

Стучка Петр Иванович

**Революционная роль права и
государства**

Общее учение о праве

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Иванович С.**
Революционная роль права и государства: Общее учение о праве / Стучка Петр Иванович –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 152 с.

ISBN 978-5-519-75703-4

ISBN 978-5-519-75703-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Это одно. С другой стороны, автор, полемизирующий с защитниками правовой идеологии, одновременно говорит о «форме права», как о «простом отражении чистейшей идеологии», забывая одновременно что сама форма — не есть простое отражение и что идеология права является отражением права, как конкретной формы. Это объясняется тем, что автор, разбирая одно право буржуазного общества (ведь, политическая экономия в глазах Маркса есть экономия исключительно капиталистического периода), делает выводы о праве вообще, т.-е. и о праве прочих периодов классового общества. Но с этой небольшою оговоркою работа является в высшей степени ценным вкладом в нашу марксистско-теоретическую литературу о праве и непосредственно дополняет мою работу, дающую лишь неполное и далеко недостаточное общее учение о праве. Я сделал эту краткую ссылку на работу тов. Пашуканиса именно в свое оправдание, почему я не иду по той же линии, как при втором издании, и не вношу еще новых дополнений в свою работу, как пособие для общего учения о праве.

Прежние «Общие учения о праве» или «Энциклопедии Права» стремились к тому, чтобы дать первокурсному слушателю готовые общие понятия, абстрактные (из богословия и философии) или конкретные, составленные, по характеристике Энгельса в «Анти-Дюринге», идеологически или априорно: «Раньше из вещи выводят понятие вещи, а вслед за тем поворачивают дело наоборот и оценивают вещи по ее отражению, ее понятию». К этим общим понятиям прибавляли еще кое-какие поправки и дополнения к недостаточному «среднему образованию» слушателей, напр., о свободе воли или т. п. пояснения, которые теперь отнесены к теории исторического материализма и др. доктринам. Мы свой курс марксистского учения права вынуждены начать с полемики, с классовой борьбы на «идеологическом фронте». И подносим мы не столько готовые ответы, сколько ясные вопросы. Ибо еще Маркс сказал: «Формулировка вопроса есть его решение».

Этот прием будет лучшим средством против «слишком быстрого изучения» вопросов, от которого как-то предостерегал тов. Ленин. Мы, конечно, вынуждены быстро учиться, но не слишком быстро, не хватая на лету, не составляя себе понятий, просто перелистывая книги, а тщательно их изучая и последовательно продумывая поставленные вопросы, ибо наша задача не только (и не столько) присвоение тех или иных знаний, но выработка целого и целостного мировоззрения.

VI

Мы утверждаем, что всякое право, в нынешнем смысле слова, является понятием классовым и что оно вместе с классовым обществом умрет. Но мы же ныне знаем, что этот процесс «умирания» государства и права является процессом крайне длительным. Мы не можем удовлетвориться коротенькою цитатой, что буржуазное общество переживает переходный период от классового общества к социализму и коммунизму, а по пути, значит, в один прекрасный день, умрет. Если вспомнить слова Энгельса о «юридическом мировоззрении», как классическом мировоззрении буржуазии вообще, то надо готовиться к длительной борьбе за упразднение этого буржуазного мировоззрения, т.-е. за перерождение этого мировоззрения и замену его новыми, и в области права. Когда т. Ленин говорил, что лишь завоевав государственную власть и образовав новое государство пролетарского типа, т.-е. Советскую власть, пролетариат сумеет проделать великую «культурную революцию», то его слова относятся полностью и к праву, как форме организации общественных отношений, т.-е. отношений производства и обмена. Было бы легкомысленно верить, что такая грандиозная переорганизация общественных отношений возможна в формах, просто заимствованных у буржуазии. Побольше критики, в том числе и самокритики, в области права!..

12 июня 1924 г.

П. СТУЧКА.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

(К первому изданию).

Может быть, это и дурная привычка каждой книге предпосылать еще предисловие автора. Но я скажу откровенно: я пишу предисловие к своей книжке по той простой причине, что считаю необходимым сказать несколько слов *в ее защиту*, ибо боюсь, что без этого никто не станет читать в нынешнее высоко-революционное время рассуждения о таких «контр-революционных» предметах, как о праве. В таком равнодушии к насущнейшим вопросам общественной жизни, т.-е. правовым, сходятся как люди, о них ничего не знающие и даже как бы щеголяющие этим своим незнанием, так и лица по этому, как и по всем вопросам, все «лучше знающие».

Я нахожу, что такое равнодушие совершенно неуместно. Энгельс буржуазное мировоззрение вообще отождествлял с «юридическим» мировоззрением. А это буржуазное мировоззрение все еще занимает весьма почетное место в головах довольно широких масс. Среди уцелевших остатков этого буржуазного мировоззрения очень и очень видное место занимает юридическая его часть. Да и не может быть иначе, ибо наше сознание не терпит пустого места, и пока в нем старое мировоззрение не заменено новым, там, хотя и бессознательно, царит старое. А юридическая область по сие время осталась нетронутою марксистами, если не считать так называемых «юридических социалистов», т.-е. самых зловредных из всех представителей буржуазного мировоззрения, хотя бы идущих под знаменем Маркса и Энгельса.

Повторяется то же самое, что случилось с понятием государства. Мы все считались марксистами и до появления книги т. Ленина «Государство и революция», но только эта работа и наша революция — не берусь сказать, что в большей мере, — открыли нам глаза на роль и значение государства в переходный к коммунизму период. И теперь уже не найдется человека, который решится сказать при нас фразу: «не люблю я таких вопросов, как вопрос о государстве», или т. п. Не мешало бы нам то же самое проделать и с вопросом о праве.

Это и легче, чем первое, ибо вдобавок к тому фундаменту, который для вопросов права положен самими Марксом и Энгель-

VIII

сом, нам здесь уже помогает тот же труд т. Ленина и опять-таки наша революция. Но не так давно еще было время, когда в наших автономных университетах читали всю эту науку в совершенно нетронutom виде. А когда недавно где-то составлялся план будущего преподавания права, то в одном из проектов красовалось деление права на общее (т.-е., конечно, буржуазное) право и советское (т.-е. особенное, я сказал бы—*неестественное*) право.

Я не с легким сердцем сел за эту работу. Я исходил из той предпосылки, что, излагая общее учение о праве, нельзя обойти молчанием буржуазной науки, и, говоря откровенно, я не считаю себя достаточно теоретически подготовленным для такой работы и особенно не считаю себя достаточно знакомым с новейшей юридической литературой. Но, с другой стороны, хотя и кратковременное пребывание во главе юридического ведомства РСФСР в роли НКЮ (с ноября 1917 г. по январь 1918 г. и с марта по август 1918 г.) и выпавшая на мою долю задача «закрытия старого суда и упразднения права», меня как бы обязывали исполнить то, чего по той или иной причине не взялись сделать другие, а именно теоретически изложить то, что сделала в области права наша революция. Но мое смущение стало еще больше, когда я, просмотрев целую уйму новой и новейшей буржуазной юридической литературы, нашел, что «воз и ныне там», что за последние годы эта наука не подвинулась вперед ни на шаг и ее положение более безнадежно, чем когда бы то ни было. Но отступление от затеянной работы было уже невозможно. Работа этим временем была уже поручена мне, и смиренно я сел за ее исполнение.

И особенно меня подбодрило в этом то обстоятельство, что в коммунистическ. университете им. Я. М. Свердлова в его двухгодичный общеобразовательный курс был внесен особый предмет—«Общее учение о праве и государстве», для которого в числе других и я должен был представить проект программы. Не зная еще, кто будет читать этот курс, я считал необходимым сделать свою работу некоторым пособием для слушателей этого курса ¹⁾. Ибо, если я и считаюсь с тем, что мы, старое поколение, унесем с

¹⁾ Во избежание недоразумений я должен оговориться, что курс этот читать пришлось не мне. Да и пособием в Ком. Университете моя книжка не послужила, ибо читающий этот курс, в „Записках“ университета (ст. Поволжского), моей книжки в числе 31 книги не приводит. Так как он свой труд приводит и относительно моей книжки в другом месте и под другой фамилией высказал лестное мнение—я тогда сказал—слишком лестное,—что „следующее издание, без сомнения, понадобится очень скоро“ то это неуказание объясняется, повидимому, тем, что он считает книжку разошедшеюся. Или это предосторожность „классного наставника“.

IX

собою в гроб много старого буржуазного хлама в своих головах, то я от всей души желал бы, чтобы наше молодое поколение перепрыгнуло через те пропасти буржуазных и, самое главное, полубуржуазных кривотолков в область истинно социалистического мировоззрения. И особенно я желал бы, чтобы как во всех областях познания и сознания, так и в особенности в правовой области, мы не ограничились «переименованием улиц» или «перелицовкою вывесок», а вплотную занялись основательною сломкою и переорганизациею. В особенности широко распространена у нас в правовых вопросах любимая фраза, что то или другое слово понимается в «советском» смысле, после чего повторяется не что иное, как старое буржуазное толкование этого слова. Невольно мне при этом каждый раз вспоминается фраза из знаменитой сатиры английского писателя Диккенса «Записки клуба Пиквика», что между членами клуба «это слово понимается лишь в пиквикском смысле». Понятие советского права—слишком серьезная вещь, чтобы так легкомысленно с ним обращаться, ибо это не более и не менее как *революционное право* пролетариата в борьбе против *контр-революционного права* буржуазии.

За основу для своей работы я взял то определение права, которое мы в коллегии Нар. Ком. Юст. в 1919 г. приняли в своих руководящих началах уголовного права. Я должен сознаться, что мы тогда приняли эту формулировку довольно поспешно и больше чутьем, чем после тщательного изучения вопроса. И я теперь был даже приятно поражен, когда я убедился, что это определение в общем выдерживает критику. Поэтому я отказался от мелких поправок, которые можно было бы внести туда. Но мне пришлось в своей работе подробнее заняться и разбором таких «всем известных» понятий, как общество, класс, классовый интерес и т. д., ибо и эта работа в этой плоскости никем не была сделана, не только марксистами, но и буржуазною наукою о праве.

Наше определение права было первой попыткой дать научное определение этого понятия, т.-е. определение, охватывающее *всякое право*, как «общее» или буржуазное, так и феодальное и советское и т. д. Моя попытка подтвердить его результатами буржуазной науки, с одной стороны, с другой же стороны, одновременно вскрыть во всей наготе ненаучность, двойственность, беспомощность и иллюзорность всей буржуазной так называемой науки о праве, конечно, не задавалась и не могла задаваться целью исчерпать эту тему; скорее всего меня особо созна-

Х

тельные товарищи будут винить в том, что я слишком много обращал внимания на таких буржуазных «спецов». С последними упреками я не согласен, ибо убежден, что побороть буржуазное, т.-е. юридическое мировоззрение в головах масс может только подробный его разбор. Ничто не так убедительно в нашу пользу, как примеры ученых, в том или ином отношении близко подошедших к нашему определению, если мы одновременно можем показать, что невозможность для них действительно найти решение объясняется объективными причинами. И я был бы рад, если бы моя работа послужила толчком для более основательных работ в этом направлении.

По моему первоначальному плану моя работа должна была состоять из двух частей: I части, посвященной общему учению о праве и государстве, и II части, имеющей своим предметом более практическую задачу: научное изложение советского «гражданского» права, т.-е., как в одном, так и в другом случае, вопрос о праве вообще и о праве граждан, в частности, исследовать в сопоставлении правовых институтов буржуазного и пролетарского общества. Я пока передаю в печать лишь первую половину первой части своей работы — «Общее учение о праве», считая, что не следовало бы медлить печатанием этой готовой части, ибо, если вторая часть первого тома, т.-е. «Общее учение о государстве», и замедлится, то этот недостаток не будет так чувствителен, ибо там мы уже имеем основные взгляды на значение и роль государства как буржуазного, так и пролетарского. Я полагал, что было бы более целесообразным сначала приступить к изложению советского гражданского права, ибо, при всей трудности разрешения этого вопроса в данную минуту — изменения курса революции, это именно потому и является наиболее неотложною работою. Но в наших литературных работах человек полагает, а печатный станок — располагает.

Москва, июнь 1921 г.

П. Стучна.

1. Что такое право?

Великая французская революция начала, как известно, с торжественного провозглашения «Декларации прав человека и гражданина». На деле это *общечеловеческое право* Великой Французской революции оказалось лишь *классовым* правом гражданина, кодексом *буржуазии* (code civil). И, в самом деле, этот кодекс великого контр-революционера Наполеона является сжатою формулою всей сути великой и, прибавим, всякой иной буржуазной революции. Это настольная книга и, если хотите, даже библия класса буржуазии, ибо она содержит в себе обоснование самого естества буржуазии, ее священного права собственности. Таким образом, это ее действительно естественное, прирожденное («наследственное») право, так и провозглашенное естественным правом в декларации прав человека и гражданина. Ибо как в феодальном строе барон человеком считал лишь барона, так и в буржуазном мире человеком, в истинном смысле слова, признается только буржуа¹⁾, т.-е. человек с цензом, с частной собственностью. Размеры этого ценза, этой частной собственности, определяющие удельный вес каждого гражданина в данном буржуазном обществе, меняются с ростом капитализма. А отрицание этого ценза—не что иное, как «социальная революция».

Но если буржуа на свое гражданское право смотрит, как на прирожденное, и охотно окружает его ореолом священства, то феодал клянется, что естественным правом является только его феодальное, или выражаясь популярнее, «кулачное» право. Священная собственность его является действительно прирожденным, ибо «родовым» правом. И он охотно ссылается, как на свое евангелие, на вышедшее из той же мастерской римского права, но только дореволюционное «Прусское Земское Право»²⁾.

Если мы, однако, делаем еще шаг назад, примерно к XV—XVI столетием, к эпохе великих крестьянских революций в Европе («Крестьянских войн»), то мы видим, что *крестьяне* отнюдь не

¹⁾ «Не человек, как citoyen (гражданин), но лишь человек, как bourgeois (буржуа) считается действительным и истинным человеком» (Маркс, Nachlass, 1—420).

²⁾ Так представитель исторической школы Савиньи в 1840 г. говорит о «счастливой Германии, которую не постигло проклятие революции» и которая вследствие этого вместо проклинаемого Code civil, который в виде «болезни рака надвигается на Германию», осталась при своем „ландrechte“, который „медленно, без революции создал нечто великолепное“.

были в восторге от нарождающегося и укрепляющегося, хотя и освященного церковью, феодального права и подняли восстание во имя своих «особых прав и священных обычаев». Они возненавидели не только само это новое право, но и его глашатаев, тогдашних докторов прав священного римского права, на которое в одинаковой степени ссылаются и «code civil» и прусский «ландрехт». Мы еще в дальнейшем увидим, как жестоко они поступали с этими творцами права, которых они величали «живодерами» и «разбойниками». И лишь через трупы восставших крестьян окончательно укрепилось феодальное право собственности, это римское право в феодальном истолковании или феодальное право в римском изложении, слабое отражение которого мы находим еще и в упоминавшемся «ландрехте» германского буржуазно-помещичьего строя.

Значит, три класса — три рода священного естественного права. А когда германские социалисты не так давно еще восторженно пели «Вперед, кто чтит право и истину» (*Wohlan wer Recht und Wahrheit achtet*), то они наверное не думали ни о том, ни о другом, ни о третьем, а о своем особом праве. И, наконец, когда мы в ноябре 1917 года свергли буржуазный строй, то мы буквально сожгли все законы прошлого мира, признали все права прошлого времени принципиально отмененными, а все-таки и после этого говорим о праве, о *советском праве*, о пролетарском правосознании и т. п.

Невольно спросишь: «Что такое, в самом деле, это столь разнovidное понятие «право»?

Но если и нет другого слова, так часто произносимого, как слово «право», то все-таки ответа на наш вопрос о его существовании мы не так легко добьемся. Обыватель нас просто отошлет к толстым книгам сводов законов или к особому сословию юристов. И в самом деле, целое «сословие» юристов веками ведает эту область. Само производство права приняло чистую форму крупного (фабричного) производства, для его применения и истолкования созданы настоящие храмы, где священнодействия жрецов этого права протекают по всем методам крупного производства. А за всем этим область права остается таинством, чем-то непонятным для обыкновенного смертного, несмотря на то, что он все это обязан знать и что этим правом регулируются самые обыкновенные взаимоотношения людей.

Юрист вас спросит, в ответ на ваш общий вопрос, каким, собственно, правом вы интересуетесь: гражданским, уголовным или иным? И, как доктор по рецепту, вам, может быть, отпустить вашу долю правды и справедливости, хотя и без всякого ручательства. Но как и доктор вам не объяснит содержания своего рецепта, так и юрист вам не даст общего пояснения права.

Вы обращаетесь к ученому правоведу. Он вас прежде всего спросит, о каком, собственно, праве вы спрашиваете: о праве ли в объективном или субъективном смысле, и вам, пожалуй, скажет,

что первое, т.-е. «право в об'ективном смысле, это — совокупность всех социальных норм известного разряда, т.-е. *правовых* норм, а право в суб'ективном смысле — «создающиеся этими нормами для каждого суб'екта свободы действия, возможности осуществления своих интересов». Вы остаетесь в недоумении, ибо вы не получили никакого ответа по существу на вопрос, что такое право, а вам сказали только, что это таинственное понятие имеет две стороны: суб'ективную и об'ективную.

Вы обращаетесь к другому ученому, и тот вам перечислит целый ряд признаков права по его содержанию, но он вас тут же и предупредит, что ни одно из этих определений не выдерживает критики, ибо «мысленно мы можем представить себе *правовые порядки*, построенные на прямо противоположных началах, и тем не менее каждый из них (т.-е. правовых порядков) будет основываться на праве». Но для успокоения он прибавит: «впрочем, дело не в том, *какое поведение требуется* нормами права, а как *требуется* поведение, указываемое в нормах права» (Шершеневич).

Я откладываю в сторону уйму общих и специальных ученых работ по вопросам права и обращаюсь к общедоступной настольной книге по всяким вопросам. В «Большой Энциклопедии» я читаю: «*Право*. Вопрос о существовании права принадлежит к числу наиболее трудных и до сих пор *нерешенных* проблем. До настоящего времени в общем учении о праве оспаривают друг у друга исключительное господство значительное число существенно друг от друга отличных теорий».

Значит, о том же самом праве, которое веками «правит» человечеством, во имя которого происходили смуты, восстания, революции, по сие время остаются в силе слова Канта: «Юристы все еще ищут определения для своего понятия права». Но юристы и, прибавим, не только юристы тщетно ищут определения *вечной категории* права. И мы увидим еще в дальнейшем, почему они не могли и даже не желали (т.-е., может быть, несознательно, но все-таки не желали) найти и дать действительно *научное определение* понятия права.

Когда пред нами, в коллегии Нар. Ком. Юст., при редактировании руководящих начал по уголовному праву РСФСР (см. собр. уз. 1919 г., № 66, ст. 590) предстала необходимость формулировать свое, так сказать, «советское» понимание права, мы остановились на следующей формуле: «Право—это система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованною силою его (т.-е. этого класса)». Возможна, конечно, более совершенная формулировка понятия права. Необходимо более подчеркнуть слова «система или порядок» или заменить их иным словом, более ярко отмечающим сознательное участие человека в установлении этой «системы или порядка». В последнее время я вместо «система» и т. д. поставил слова «форма организации общественных отноше-

ний, т.-е. отношений производства и обмена»¹⁾). Может быть, следовало бы более подчеркнуть и то, что интерес господствующего класса является основным содержанием, основной характеристикой всякого права. Возможна, наконец, и еще формулировка, что право есть «система или порядок *норм*, фиксирующих и охраняющих от нарушения означенную выше систему общественных отношений и т. д.». Мы этот последний взгляд на право с несколько иной точки зрения оспариваем и разбор его дадим в дальнейшем, но все-таки он основывается на верной, а именно *классовой* точке зрения. В общем и целом я считаю и ныне вполне приемлемою формулу Наркомюста, ибо она содержит те главные признаки, какие входят в понятие *всякого* права вообще и не только советского. Самое основное ее достоинство в том, что она впервые ставит на твердую научную почву вопрос о праве вообще: она отказывается от чисто формальной точки зрения на право, видит в нем не вечную категорию, но меняющееся в борьбе классов социальное явление. Она отказывается от попыток буржуазной науки примирить непримиримое, а, напротив, находит мерку, применимую к самым непримиримым видам права, ибо она стоит на революционно-диалектической точке зрения классовой борьбы и классовых противоречий.

За исключением признака *классового* интереса, и буржуазные теоретики неоднократно близко подходили к каждому отдельно-му из наших признаков права. Но они «понюхали, понюхали и пошли прочь». И вся юриспруденция, это «знание божественных и человеческих дел, наука права и справедливости»²⁾, не исключая ни ее социологического, ни, тем паче, социалистического направления, по сие время вертится в каких-то убогих формулах и сама то и дело переживает сомнения, есть ли она вообще наука. Ответим прямо: нет, до сих пор она не была и не могла быть наукою; она может сделаться наукою, лишь став на классовую точку зрения (на точку зрения рабочего или враждебного ему класса, но классовую). Может ли она это? Нет, она не может. Ибо, внеся революционную (классовую) точку зрения в понятие права, она «оправдала» бы, сделала бы законною и пролетарскую революцию. Только теперь, после победы пролетариата, и буржуазные юристы начинают робко говорить о том, что каждый класс имеет свое право³⁾. Но их убедила не теория, а победа революции на деле.

Поэтому и в тех случаях, когда находились среди юристов социалисты, признающие на словах принцип классовой борьбы, они почти поголовно стояли на точке зрения оппортунизма и

¹⁾ Ср. мой доклад: П. Стучка. «Классовое государство и гражданское право». Москва, 1924.

²⁾ Ульпиан определяет: „Jurisprudentia est divinarum et humanarum rerum notitia, aequi atque justae scientia“ (D. I I. 10).

³⁾ См. проф. Трайнина, в журнале „Право и Жизнь“ № 1.